

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.31249/rsm/2019.02.11

М.А. Фельдман

«ТРЕТЬЕ СРАЖЕНИЕ». ВОПРОС О ПУТЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР НА НОЯБРЬСКОМ (1928 г.) ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП (б)

Аннотация. Победа сторонников продолжения НЭПа на Апрельском и Июльском пленумах ЦК ВКП (б) 1928 г. была только одним выигранным сражением, только одним моментом прозрения части большевистской элиты, сумевшей понять и осознать доводы советских ученых-экономистов. Однако контролируемый Сталиным аппарат ЦК вел целенаправленную кампанию по обработке в нужном направлении руководителей республиканских и областных партийных организаций. Ноябрьский (1928) пленум ЦК ВКП (б) стал важным рубежом, развилкой двух возможных путей: превращения большевистской партии из организации авторитарного типа в тоталитарную либо сохранения в авторитарной партии демократических начал, движения страны по пути модернизации многоукладной экономики. Итогом далеко не однозначных дискуссий стало принятие резолюций компромиссного характера.

Ключевые слова: партия; пленум ЦК ВКП (б); НЭП; СССР; развитие; руководство; ученые; управленцы; хозяйственники; индустриализация; коллективизация.

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук,
профессор, Уральский институт управления –
филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ, Екатеринбург.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru

M.A. Fel'dman. «The Third Battle». The Question of the Ways of Socio-Economic Development of the Soviet Union at the November (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b)

Abstract. The victory of supporters of the continuation of the NEP in the April and July Plenums of the CPSU (b) 1928 was only one battle won by the Bolshevik elite, who managed to understand the arguments of Soviet scientists and economists. The November (1928) Plenum of the CPSU (b) became an important frontier – a fork in two possible ways: towards the transformation of the Bolshevik party from an authoritarian type of organization into a totalitarian one, or the preservation of democratic principles in the authoritarian party, the country's movement towards the modernization of a multicultural

economy. The outcome of far from unambiguous discussions was the adoption of resolutions of a compromise nature.

Keywords: *Party; Plenum of the CPSU (b); NEP; USSR; development; leadership; scientists; managers; business executives; industrialization; collectivization.*

**Fel'dman Mikhail Arkad'evich – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Ural Institute of Management –
Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Yekaterinburg.
Email: feldman-mih@yandex.ru**

В исторической литературе и в советскую эпоху [1, с. 112], и в постсоветскую [2, с. 284] дискуссии на Ноябрьском (1928) пленуме ЦК ВКП (б) рассматривались как безусловное поражение сторонников сохранения и продолжения нэповской политики. «В ноябре 1928 г. пленум ЦК единогласно осудил правый уклон, от которого отмежевались Бухарин, Рыков и Томский», – такой констатацией ограничивается Н. Верт [3, с. 184].

Вышедшие в свет в 2000 г. «Введения» к каждому тому пятитомника «Как ломали НЭП», написанные В.П. Даниловым, А.Ю. Ватлиным и О.В. Хлевнюком, и на сегодняшний день представляет собой самый глубокий анализ событий острой политической полемики на пленумах ЦК ВКП (б) 1928 г. между двумя группами участников пленума.

Однако насколько верно утверждение о том, что на Ноябрьском пленуме ЦК ВКП (б) из выступивших в прениях четырех десятков партийных деятелей «почти все оказались активными критиками “правого уклона”, который обнаруживали во всех основных положениях доклада А.И. Рыкова» [4, с. 22]? При всем глубочайшем уважении к выдающимся историкам – В.П. Данилову, А.Ю. Ватлину, О.В. Хлевнюку, поднявшим понимание советской истории конца 1920-х годов на качественно иной уровень, трудно согласиться с утверждением о поддержке на Ноябрьском (1928) пленуме ЦК ВКП (б) сталинского курса со стороны подавляющего большинства членов и кандидатов в члены ЦК.

Апрельский и Июльский пленумы ЦК ВКП (б) 1928 г. стали полем размежевания сторонников и противников продолжения НЭПа. Острые противоречия между сторонниками И.В. Сталина их оппонентами, поддерживающими А.И. Рыкова – Н.И. Бухарина, правомочно назвать борьбой двух фракций внутри верхушки правящей партии – и в силу примерно равного их соотношения, и в силу последовательности занимаемой позиции членов ЦК («цекистов») на протяжении весны-лета 1928 г. Победа сторонников продолжения НЭПа на Апрельском и Июльском пленумах ЦК ВКП (б) 1928 г. была только одним выигранным сражением, только одним моментом прозрения

части большевистской элиты, сумевшей понять и осознать доводы, по оценке Н. Ясного, лучших советских ученых-экономистов [5, с. 28].

Главные вопросы, вынесенные на обсуждение Апрельского и Июльского пленумов ЦК ВКП (б), – о хлебозаготовках – завершились принятием резолюций, близких по содержанию к тезисам группы Рыкова – Бухарина. В резолюциях говорилось об «опасности разрыва между городом и деревней», о том, что индивидуальное хозяйство «значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране», признавались ошибки при проведении хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг., провозглашалась недопустимость нового применения «чрезвычайных мер» [6, с. 588–592]. Возможность продолжения новой экономической политики как пути перспективного и доказавшего свою эффективность была признана участниками пленума ЦК ВКП (б) в апреле и в июле 1928 г.

Однако практическая реализация принятых на пленумах обоснованных решений затягивалась и с самого начала приняла характер словесных деклараций, ограниченных к тому же рамками борьбы с тем, что называлось «перегибами и извращениями». На деле Сталин и его последователи заняли позицию скрытого саботажа [4, с. 19].

Очевидная двойственность содержания циркуляров Наркомюста, включавшая как осуждение «чрезвычайных мер», так и требования «подготовить следственный и судебный аппарат к быстрому продвижению дел в отношении скупщиков и торговцев хлебом», ставила в затруднительное положение местных работников [4, с. 6].

Параллельно контролируемый Сталиным аппарат ЦК вел целенаправленную кампанию по обработке в нужном направлении руководителей республиканских и областных партийных организаций [7, с. 155–158].

В тех случаях, когда сталинцы получали отпор – готовились и применялись «организационные меры». Как отмечает О.В. Хлевнюк, опираясь на своих клиентов и недовольных карьеристов, Сталин в 1928 г. организовал «бунты» в аппарате профсоюзов, которыми руководил М.П. Томский, и в московской партийной организации, возглавляемой Н.А. Углановым [7, с. 157]. К ноябрю 1928 г. политическое влияние Томского и Угланова заметно ослабло.

Отталкиваясь от содержания сообщений и докладов, всех выступающих на партийном форуме в ноябре 1928 г. (как и на двух предшествующих пленумах ЦК) можно подразделить на четыре категории: сторонников продолжения НЭПа, управленцев, ограничившихся обсуждением ведомственных проблем, партийцев, частично поддержавших курс Сталина, и функционеров, полностью солидаризовавшихся с обличением «правого уклона».

Вместе с тем возрастание остроты внутривнутрипартийной борьбы на заседаниях Ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) 1928 г. обусловило и расширение политической мимикрии: характерная для многих выступающих осторожность

выражений зачастую дополнялась ритуальной критикой «правого уклона». В обстановке развернутого с сентября 1928 г. в печати ожесточенного обличения «правого уклона» (пропагандистской кампании, находившейся под личным контролем В.М. Молотова), внимательного отслеживания каждого слова членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП (б), уже само отсутствие солидарности с противниками (пока еще обезличенного) «правого уклона» в выступлениях на Ноябрьском пленуме ЦК можно рассматривать как косвенную поддержку группы Рыкова – Бухарина.

Тон работы Ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) 1928 г. задали три доклада о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 гг. – Рыкова, Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева. Без прямой полемики в них излагались позиции противоборствующих сторон. В исторической литературе отмечалось, что предварительное сближение плановых установок Госплана и ВСНХ на деле означало в большей степени уступки госплановцев директивам ВСНХ под руководством В.В. Куйбышева и стоящего за его спиной Сталина [8, с. 231, 233]. Тем не менее предел уступок не коснулся критической черты – сохранения многоукладной экономики. Отсюда справедливо замечание исследователей о достигнутом компромиссе как «единственном случае в истории пленумов большевистского ЦК» [4, с. 19].

Насыщенный статистическими выкладками, доклад главы СНК СССР А.И. Рыкова [9, с. 36–52] имел как конкретное содержание, так и политическое звучание. Лейтмотивом доклада стал тезис о возможности нэповской экономики успешно совершить новый индустриальный рывок. В чем же заключалось обоснование такого тезиса?

За последние периоды (1925/26–1927/28 гг.), подчеркивал руководитель правительства, стремительно росли ассигнования на капитальные работы в промышленности: с 811 млн руб. в 1925/26 гг. до 1318 млн руб. в 1927/28 гг. Всего же на эти цели за три последних года было направлено около 3220 млн руб. [9, с. 36].

При этом капитальные затраты в тяжелой индустрии за указанный период практически удвоились: с 500 млн руб. до 939 млн руб., а их доля в общих ассигнованиях на капитальные работы в промышленности выросла с 61 до 72%. Согласно плану на 1928/29 гг., капитальные затраты в промышленности увеличивались еще на 340 с лишним млн руб. и должны были составить 1659 млн руб. Из этой суммы 1173 млн руб. направлялись на производство средств производства, а 365 млн руб. – на производство предметов потребления [там же].

Еще одним достижением нэповской экономики Рыков назвал достигнутое в 1927/28 гг. (впервые за 1920-е годы) снижение себестоимости продукции промышленности приблизительно на 5%, что тем не менее значительно отставало от плановых директив. С учетом того что «каждый процент сниже-

ния себестоимости приносил приблизительно 100 млн руб.», докладчик эту задачу рассматривал как первостепенную [9, с. 36].

В сельском хозяйстве, по мнению главы СНК, имелись все предпосылки для запланированного роста аграрной продукции, поскольку «крепнущая кооперация является уже такой организацией в деревне, за которую мы можем уцепиться в деле рационализации сельскохозяйственного производства» [9, с. 42].

В весьма осторожной (чисто информационной) форме Рыков указал на важность сочетания централизованных (т.е. государственных и кооперативных) и децентрализованных (частных) закупок (заготовок) зерна. Однако последующий пассаж главы СНК не оставлял уже никаких сомнений: сочетание централизованных и децентрализованных заготовок зерна позволило «совершить удачно переход от “чрезвычайных” методов собирания хлеба к нормальным, рыночным методам заготовок» [9, с. 38].

В свою очередь расширение возможностей сельскохозяйственной кооперации было связано с «мерами помощи основной бедняцко-средняцкой массе крестьянства путем обслуживания агрономией, землеустройства, кредита, снабжения машинами и улучшенными семенами, борьбой с вредителями. <...> Государство может лишь подталкивать процесс подъема, давая ему определенное направление и организуя его». Основные же экономические трудности, подчеркнул Рыков, были связаны в СССР не с сопротивлением предпринимателей-нэпманов и кулаков, а носили объективный характер [9, с. 43, 48].

Едва ли не ключевым моментом в докладе Рыкова стало осуждение произвольного причисления к категории «кулаков» умелых и инициативных крестьян [9, с. 44, 45]. Тем самым один из лидеров советского государства поставил под сомнение тезис об антагонистичности индивидуального предпринимательства и строительства нового общества.

Были ли услышаны мысли Рыкова участниками пленума? Судя по содокладу Кржижановского [9, с. 53, 76] – были. Руководитель Госплана отметил, что в 1928/29 гг. по уровню затрат на капитальное строительство страна должна выйти на запланированные на предстоящее пятилетие показатели. В индустриализации Кржижановский выделил главное направление – механизацию и автоматизацию производственных процессов. В представлении Кржижановского, одного из первых марксистов России, социализм означал освобождение человека от тяжелого физического труда, т.е. раскрепощение [9, с. 57, 59].

Важным местом в содокладе Кржижановского стало заявление о том, «что СССР на весьма льготных условиях может получить внешний кредит на 700 млн руб.». Такая мысль явно шла вразрез с утверждениями Сталина об экономической блокаде СССР и нарастании военной опасности [10, с. 58].

Впрочем, не желая сильно выделяться из общего ряда партийных работников, Кржижановский привел ленинскую цитату о том, что «наши отношения в капиталистическом окружении могут носить только характер временной передышки» [9, с. 54].

Это отвечало практике советской действительности: цитирование классиков вне исторического контекста придавало наукообразный характер любым политическим акциям.

Взгляд главы Госплана на аграрную проблему совпадал с позицией Рыкова: механизация сельского хозяйства, широкий диапазон мер по повышению урожайности должны были касаться как колхозов и совхозов, так и индивидуальных крестьянских хозяйств. Развитие совхозов должно было определяться степенью электрификации деревни [9, с. 61–67, 75].

Как видно, и первый, и второй доклады прозвучали не в том направлении, которое тщательно готовил Сталин.

Содоклад В.В. Куйбышева [9, с. 76–87] в целом носил технократический, деловой характер. Куйбышев указал на диспропорции в народном хозяйстве и выделил пути их устранения, связанные, по его утверждению, с «быстрыми темпами роста». Вера в универсальность высоких показателей («большевистских темпов» роста) как метода регулирования экономики пронизывала все выступление Куйбышева. Вне поля зрения докладчика остались проблемы соотношения и взаимодействия государственного и частного секторов, вопросы ценообразования, социальная политика. Тем самым обеспечение «большевистских темпов» роста переходило в сферу администрирования, оторванного от экономических реалий. Одной из основных задач экономики провозглашалась ликвидация зависимости от импорта [9, с. 77], но без обоснования возможностей и целесообразности этого.

Вместе с тем в содокладе руководителя Госплана значительное место было уделено успешному началу нового этапа индустриализации страны, в том числе ходу подготовительных работ к строительству Магнитогорского комбината и Уралмаша, Сталинградского тракторного, Луганского паровозостроительного заводов, срокам завершения строительства Днепрогэса.

Завершая доклад, Куйбышев призвал «к снижению себестоимости продукции как обязательному условию выполнения плана капитальных работ и полного обеспечения того темпа индустриализации, который намечен контрольными цифрами, одобренными Политбюро» [9, с. 101–102]. С учетом отсутствия в речи Куйбышева какой-либо критики в адрес «правого уклона» чисто технократическое содержание содоклада вряд ли могло обрадовать Сталина и его приверженцев.

Как и на Апрельском пленуме ЦК того же 1928 г. обсуждение докладов начал член Оргбюро ЦК, нарком земледелия РСФСР Н.А. Кудряков. Выступление на Апрельском пленуме против применения «чрезвычайных мер» в ходе

хлебозаготовок [9, с. 78] стоило ему должности секретаря ЦК. Однако и на сей раз Н.А. Кубяк не выполнил того, чего от него ожидало сталинское окружение: он заявил о важности выполнения решений Июльского пленума ЦК, где говорилось о «необходимости максимального развития или максимальной поддержки индивидуального крестьянского хозяйства» [9, с. 102].

Практика же 1928 г. показывала, что расходы на сельское хозяйство были существенно сокращены. Заявки на поставки тракторов были выполнены только на 20%, что явно не позволяло приступить к строительству новых колхозов и совхозов. Исходя из этого, принципиально важным был вывод Кубяка: акцент в работе в деревне следует сделать не на *количественном* росте колхозов и совхозов, а на качественном и организационном укреплении уже имеющихся. В условиях, когда финансовая дисциплина колхозов и совхозов оставляет желать лучшего, отметил нарком земледелия, вопрос о возврате кредитов – куда более важен, чем создание новых совхозов. В силу этого отказ от организации новых совхозов, позволяющий сэкономить свыше 65 млн руб., пойдет на пользу селу [9, с. 103, 106].

Выступление Н.А. Кубяка показало: у сторонников продолжения НЭПа на пленуме не иссякли убедительные аргументы.

Контрдоводы были приведены в речи управляющего ЦСУ СССР В.П. Милютин. Начав с подтверждения успехов развития экономики страны в годы НЭПа, Милютин отнес трудности функционирования сельского хозяйства *к воздействию климатических условий*, «еще не подчиненных Госплану и не подлежащих планированию». Избежав, таким образом, обсуждения роли «чрезвычайных» методов хлебозаготовок, Милютин подвел и «теоретическую базу» под подобное утверждение: по его словам, на пленуме нельзя ставить вопрос о кризисе сельского хозяйства, поскольку это «означало бы вопрос об изменении нашей политики партии, правильность которой не подлежит обсуждению» [9, с. 111]. Надо отметить, что запрет на дискуссии уже применялся в практике большевистской партии в 1920-е годы, затрудняя поиск оптимальных вариантов развития и порождая институциональные ловушки [11].

После этого Милютин перешел к обсуждению опасности «правого уклона». Как функционер, связавший свою судьбу с фракцией Сталина, он видел проявление «правого уклона» в допущении «развития капиталистических отношений в деревне» [9, с. 113].

Используя ленинские цитаты из работ 1890-х годов, он догматически относил к кулакам *любых крестьян, совершающих торговые сделки*. Преодоление антисоциалистических тенденций на селе, по его мнению, должны были совершить колхозы и совхозы.

Но вот парадокс: убеждая резко ускорить темпы коллективизации, управляющий ЦСУ СССР честно признал: «тракторами совершенно не обес-

печены ни старые, ни новые колхозы», а с «агрономическим обслуживанием дело обстоит скандально» [9, с. 114].

Собственно говоря, выступление Милютина отчетливо продемонстрировало двойственность, а зачастую, и сюрреалистичность мышления тех сталинских чиновников, кто пытался сочетать большевистские догмы и экономические реалии.

Выступивший в поддержку доводов Милютина, генеральный секретарь КП Украины С.В. Косиор выделил как верные, так и неверные положения доклада Рыкова. К неверным была отнесена «чрезмерно сгущенная» характеристика трудностей в сельском хозяйстве [9, с. 116].

Но баланс оценок был тут же восстановлен фразой Косиора о согласии с премьером в том, что «переход от “чрезвычайных мер” к нормальным был совершен удовлетворительно». Более того, Сталина и его сторонников явно огорчила сентенция Косиора: «Я считаю, что эти “чрезвычайные меры” развратили не только наш заготовительный, но и партийный аппарат» [9, с. 117–118].

Тем более поразительно резким оказался переход Косиора к критике доклада Рыкова за якобы сглаживание «бешенного классового сопротивления кулака и нэпмана социалистическому строительству». Люди, идущие по такому оппортунистическому пути, предупредил Косиор, могут быть исключены из партии [9, с. 118–119].

Как видно, «капкан» абсолютизации роли классовой борьбы для ряда участников пленума сработал. Спокойный ход обсуждения проблем на пленуме ЦК остался позади. Третий день работы пленума проходил уже по иному сценарию. Незначительные, по большому счету, замечания по докладу Рыкова в выступлениях руководителей региональных партийных организаций – Р.И. Эйхе, Ф.И. Голощекина, М.М. Хатаевича – при упоминании даже теоретической возможности критики партийного курса и самой допустимости существования зажиточных крестьян стремительно перерастали в гневные обличения «правого уклона». Параллельно, словно в другой жизни, профсоюзные лидеры (Н.М. Анцелович, И.И. Шварц) рассуждали о проблемах, далеких от обсуждаемой тематики. Обилие плоских шуток и отвлеченных рассуждений находили понимание у участников пленума ЦК, судя по частоте в стенограмме ремарки «смех». В то же время А.П. Серебровский и Я.Б. Гамарник сконцентрировались на чисто ведомственных проблемах, не забывая в конце речи проговорить несколько слов, обличающих «правый уклон».

В такой ситуации речь секретаря Сибирского крайкома ВКП (б) С.И. Сырцова о проблемах Сибирского края, лишенная полемики с «правыми оппортунистами», говорила о мужестве и стойкости сибирского лидера. Кажется, полемика становится односторонней и сталинцы методично «дожмут» своих оппонентов.

Однако на четвертый день работы пленума картина изменилась: в выступлениях цэкистов возобладало конкретное обсуждение народнохозяйственных проблем в рамках многоукладной экономики. Так, в речи заместителя председателя Госплана СССР М.Ф. Владимирского говорилось о преобладающей роли и задачах сельскохозяйственной кооперации (но не коллективизации) [9, с. 167–169].

Председатель Центросоюза И.Е. Любимов сделал упор на достижениях кооперации в СССР за годы НЭПа: если в 1925/1926 гг. кооперацией в промышленное строительство было вложено 7,5 млн руб. собственных средств, то сейчас кооперация вложила 56,5 млн руб., и в связи с этим она могла бы развиваться более быстрым темпом, чем она развивается сейчас. Если кооперация в 1926/27 гг. имела в обороте только 36,5% собственных средств, а заемных – 63,5%, то к настоящему времени она имеет собственных средств в своем торговом обороте 63%, а заемных средств 37%. Постепенно, по мере развития и расширения своей деятельности, кооперация собирала собственные средства и путем торговых накоплений, и путем собирания паевых капиталов. Сейчас кооперация имеет своих средств до 760 млн руб. При соответствующей хотя бы небольшой поддержке развития кооперативной промышленности, она могла бы шагнуть гораздо дальше, заявил И.Е. Любимов [9, с. 199]. Ритуальные слова об абстрактном «правом уклоне» звучали фактически как довесок.

Показательным можно считать выступление председателя СНК Украины В.Я. Чубаря. Солидаризовавшись с докладом Рыкова по принципиальным вопросам – общим оценкам экономики, характеристикам кризисных явлений, необходимости сочетания процессов коллективизации и механизации, осуждения гонений на специалистов [9, с. 172], – Чубарь в то же время внезапно совершил своеобразный разворот логики, заявив о возможности сочетания процессов коллективизации «без тракторов». Такой смысловой кульбит выступления не был единственным: председатель СНК Украины завершил выступление своеобразным видением «правого уклона»: под ним кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) понимал отсутствие подлинного служения народу, т.е. доминирование бюрократической практики. Дословно это звучало так: «Нас прогонят к черту, если мы не научимся лучше обслуживать массы рабочих и крестьян, чем обслуживал капитализм» [9, с. 176, 178].

Перелом должны были выполнить «тяжелые фигуры». Вечером 19 ноября 1928 г. слово было предоставлено Сталину. Тезисы выступления Сталина, посвященные вопросу об индустриализации страны, очень скоро вошли во все учебники истории на долгие десятилетия, став «классическими». Многие сталинские утверждения, например о том, что только «быстрый темп развития индустрии вообще, производства в особенности, представляет основное начало и ключ индустриализации страны, основное начало и ключ преобра-

зования всего нашего народного хозяйства на базе социалистического развития» позволит преодолеть технико-экономическую отсталость страны [9, с. 203–204] – могли либо базироваться на экономических расчетах и выкладках, либо воплотиться в форме волюнтаристских директивных методов управления.

По мнению Генерального секретаря ЦК, быстрый темп развития индустрии обеспечивался прежде всего вложением в промышленность денежных средств. «Побольше капитальных вложений в промышленность», – отчеканил свой подход Сталин. Абсолютизация роли и возможностей одного экономического инструмента – в данном случае, денег – не редкость в деятельности «революционеров от экономики». Другие экономические инструменты в выступлении Сталина даже не обсуждались.

В своей речи Сталин неоднократно цитировал резолюции Июльского пленума 1928 г., но каждый раз по-своему расставлял акценты. Так, укрепление «старых» колхозов и совхозов и строительство «новых» совхозов, которые в резолюции были только одним из многих путей развития деревни, у Генерального секретаря ЦК превратилось в оптимальный и наиболее «социалистический» путь развития [9, с. 210].

Требую от партийных работников усилить борьбу с кулачеством, Сталин, стремясь «успокоить» цекистов, говорил о необходимости соблюдения законности в работе в деревне и дальнейшего стимулирования индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств [9, с. 211–212]. Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) много времени уделил попыткам подвести теоретическую базу под оформление концепции «правого уклона».

Заявление Сталина о том, что социальная база уклонов связана с наличием мелкого производства в экономике и социальной структуре СССР [9, с. 213], вытекало из марксистской теории и не вызвало сомнений у участников пленума. Далее Сталин сознательно направил все острие своей критики на отдельных партийцев (Я.М. Шатуновского, М.И. Фрумкина), отделив от них Бухарина и Рыкова.

Более того, после ожесточенной проработки руководства Московского горкома партии в сентябре-октябре 1928 г. за примиренчество к «правому уклону», Сталин «миролюбиво» заявил: «Среди московских руководящих товарищей мы правых не имели» [9, с. 221]. С учетом того что уже через неделю (27 ноября 1928 г.) руководители Московского горкома будут освобождены от работы за «пособничество правым», сталинское «миролюбие» может быть оценено однозначно: двуличие и коварная подготовка к устранению оппонентов стали фирменным сталинским почерком политической деятельности. В том же ключе следует понимать и заключительные слова Сталина: «мы все в Политбюро едины до конца и будем едины», вызвавшие дружные аплодисменты [9, с. 223].

После выступления Сталина у членов ЦК наверняка вырвался вздох облегчения: «правых» среди них не оказалось; фракции «правых уклонистов», как заверил Генеральный секретарь ЦК, не существует [9, с. 221]. Есть отдельные ошибки (незначительные и серьезные) теоретического характера у отдельных партийцев, но им противопоставлен верный курс единой партии и единого Политбюро ЦК во главе со Сталиным. Только немногие присутствующие догадывались о предстоящей организационной расправе над сторонниками сохранения курса, выработанного Апрельским и Июльским пленумами ЦК ВКП (б) 1928 г.

Характерно, что в следующем выступлении председателя Совета Союзов сельскохозяйственной кооперации и председателя Хлебоцентра Г.Н. Каминского слова о «правом уклоне» отсутствовали. Выделив главную проблему экономики – низкую товарность ряда отраслей сельского хозяйства и низкую урожайность технических культур, Каминский в качестве пути решения проблем предложил поголовное кооперирование крестьянских хозяйств и контрактацию [9, с. 223–225]. Имеющийся опыт Союзов сельскохозяйственной кооперации и Хлебоцентра по кооперированию крестьянских хозяйств и контрактации, созданию тракторных колонн, заявил Каминский, позволяет «осуществить серьезный подъем сельского хозяйства» [9, с. 225–227].

Возвращение работы пленума к обсуждению чисто деловых вопросов вне их идеологизации явно не устраивало Сталина: рациональный, научный подход к решению экономических проблем не сочетался с догматическими конструкциями марксизма и их пониманием «продолжателем дела Ленина».

20 ноября 1928 г., на пятый день работы пленума, завершающий обсуждение докладов о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 гг., с жесткой критикой письма М.И. Фрумкина членам Политбюро ЦК¹ выступили сторонники Сталина – секретарь Северо-Кавказского крайкома партии В.И. Иванов и член президиума ИККИ В.В. Ломинадзе. Характерно, что в вину Фрумкину были поставлены сама допустимость критики линии партии, игнорирование признания обострения классовой борьбы по мере развития советского общества [9, с. 223, 238]. Конкретное содержание письма Фрумкина оказалось за пределами обсуждения вопроса.

Однако доводы сталинистов встретили и на сей раз не менее ожесточенное сопротивление. В речи М.И. Фрумкина несколько раз рефреном прозвучал тезис: «тов. Сталин приписал мне...». Используя стенограммы пленумов, другие документальные источники, Фрумкин последовательно показывал ложь и сознательное искажение мысли оппонента со стороны Сталина и его

1. Письмо заместителя наркома финансов М.И. Фрумкина в Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 июня 1928 г. содержало критику отступлений от курса XV съезда ВКП (б); автор письма призывал нормализовать рыночные отношения.

сторонников. Так, после слов «тов. Сталин приписал мне, что я требую или настаиваю на свободном развитии кулацких хозяйств» был воспроизведен подлинный текст письма Фрумкина: «Мы должны бороться с кулаком путем снижения его накоплений, путем увеличения налогов, путем высвобождения из-под его экономического (отсюда и политического) влияния середняка и бедноты, мы не должны поддерживать его нашими скудными кредитами, но не должны “раскулачивать”, доколачивать его хозяйство, его производство, в течение ряда лет еще нужное нам» [9, с. 250, 251].

Точно так же были опровергнуты утверждения Сталина о пособничестве «теоретика правых» в сфере мелкого предпринимательства в промышленности. Фрумкин указал на сходство своих тезисов с фрагментом резолюций XV съезда, где подчеркивалось: «Наступление на частника в области промышленности мы ведем путем развития промышленности, укрепляя кооперацию, вытесняя мелкокапиталистические формы хозяйства», только «в меру наших организационных и материальных возможностей» [9, с. 252].

Казалось бы доводы Фрумкина, подтвержденные документально, опровергнуть было невозможно. Но поразительная особенность большевизма, состоящая в умении превращать дискуссионный вопрос во фракционную борьбу, сыграла и на сей раз свою незавидную роль. Руководитель одной фракции, контролирующей аппарат ЦК, уже назначил оппонента на «закланье». Законы фракции в ВКП (б) не позволяли разделить иное мнение.

Если в речи секретаря Нижневолжского крайкома ВКП (б) Б.П. Шеболдаева Фрумкин был только «отлучен» от плеяды борцов за «социалистическую реконструкцию сельского хозяйства» [9, с. 280], то в выступлении Л.А. Шацкого (недавнего сторонника «правых») были изложены основные постулаты сталинской идеологии. Само существование частного сектора в промышленности и хозяйств зажиточных крестьян объявлялось недопустимым в пролетарском государстве. Приоритет классовой борьбы над возможностью укрепления экономики и повышения уровня жизни для комсомольского лидера был бесспорен [9, с. 255–259].

Иное решение этого вопроса для марксистов придет только через полвека и, к сожалению, не в нашей стране, но по «нэповским лекалам» [12, с. 413]. В ноябре 1928 г. тезис «лишь бы страна богатела, лишь бы хлеб» [9, с. 257] (т.е. при сохранении нэповской экономики) был отнесен к разряду антипартийных и оппортунистических.

Тем не менее в ноябре 1928 г. большевистские функционеры, верные «курсу партии» как абсолютной истине, еще были способны услышать альтернативную позицию. Нарком финансов СССР Н.П. Брюханов, охарактеризовав Фрумкина как квалифицированного и «очень дисциплинированного, проводящего в своей практической работе директивы партии, товарища», указал на недостатки своего заместителя – «излишнее упрямство» и катего-

ричность. Более того, Брюханов «предостерег товарищей» от навешивания ярлыков «уклонистов» за те или иные подходы к количественным показателям, в частности финансовым [9, с. 275–276].

Еще одна манера политического поведения была продемонстрирована региональными лидерами – Д.Е. Сулимовым, И.Д. Кабаковым и И.П. Жуковым [9, с. 259–273]. Они подчеркнуто не касались дискуссии и говорили о частностях отраслевых программ.

Заключительное слово по всем трем докладам было предоставлено Рыкову. Председатель СНК ответил на все вопросы и реплики участников пленума, повторив многие положения своего выступления. Вновь прозвучала оптимистическая оценка состояния советской экономики, позволившей выработать «план громадного сдвига в перераспределении материальных ресурсов страны». Не менее важным стало его резюме по поводу характера дискуссии на пленуме: «От многих выступлений у меня создалось не совсем хорошее впечатление, не потому, конечно, что в них критиковался мой доклад, но потому, что эта критика была не в цель. ... По поводу этого конкретного плана никто из “критиков” не сказал буквально ни одного слова (курсив мой. – М. Ф.). В этом, по-моему, заключается основной недостаток прений. Подход к оценке контрольных цифр с точки зрения правой или “левой” опасности должен базироваться не на словесной трескотне, а на добросовестном анализе конкретного плана хозяйственного развития с учетом опыта мест и знания хозяйства всего Союза» [9, с. 283].

Рыков предостерег членов ЦК от произвольного штампования «уклонов», заявив: «Нам в своей среде нельзя из-за отдельных ошибок в формулировках воссоздавать сразу целую идеологию. Это было бы огромной ошибкой». Председатель СНК указал на недопустимость мер по «удушению» частного капитала в кустарной промышленности, поскольку «мелкие товаропроизводители ремесленно-кустарного типа» еще долгий срок способны дополнять госсектор и взаимодействовать с ним [9, с. 287].

Последнее слово в сражении осталось за лидером группы сторонников сохранения нэповской экономики. Но в той дискуссионной борьбе, которая весь 1928 г. шла по нарастающей, логические доводы были только одним видом оружия.

Обсуждение второго вопроса на пленуме ЦК «О первых итогах и дальнейшем проведении 7-часового рабочего дня» современные авторы рассматривают как «достаточно откровенное», но подчеркивают: «Принятые решения носили скорее декларативный характер» [4, с. 24].

Откровенность обсуждения указанного вопроса не вызывает сомнений: в выступлении наркома труда СССР и РСФСР В.В. Шмидта была дана объективная картина хаотичного введения семичасового рабочего дня на рабочих

местах в ряде отраслей и предприятий, где в общей сложности трудились 17% советских рабочих [9, с. 310].

Недостаточная организационная и техническая подготовка к введению семичасового рабочего дня, неготовность технического персонала к столь масштабному мероприятию в сочетании с низким квалификационным уровнем большинства рабочих дали поразительный результат – резкий скачок объемов бракованной продукции и числа аварий на производстве [9, с. 305–306, 317].

В докладе Шмидта, в выступлениях профсоюзных работников не просто воссоздавалась картина подлинного положения рабочего класса в СССР, весьма далекая от представлений о социалистическом обществе. Приведенные факты тяжелых условий труда женщин (в том числе беременных и кормящих матерей) в ночную смену, жуткие детали быта рабочих в переполненных рабочих казармах [9, с. 315–318, 321–322] напоминали участникам пленума о тех особенностях дореволюционного положения рабочих, которые так активно обличали большевики-подпольщики до 1917 г.

«Вводя ночную работу для женщин, мы не только нарушаем программу нашей партии, мы нарушаем и трудовое законодательство», – подчеркнула А.В. Артюхина, заведующая Отделом по работе среди женщин ЦК ВКП (б), член Оргбюро ЦК ВКП (б) и кандидат в члены Секретариата ЦК ВКП (б), – «и это было сделано, вопреки мнения профсоюзных организаций» [9, с. 321]. Трудно найти более яркие характеристики несоответствия реальной жизни в СССР и мифов советской пропаганды, чем те, которые приводились в докладах при рассмотрении «выдающегося достижения» социалистического строя, «имеющего гигантское международное значение» [9, с. 302].

Однако происходящее на пленуме ЦК на утреннем заседании 21 ноября 1928 г. может быть понятым только в контексте всей работы партийного форума, задуманного Сталиным и его фракцией для «разоблачения» и разгрома «правых». Обсуждение второго вопроса превратилось в разоблачение идеологической завесы, скрывающей условия труда и быта «класса-гегемона» в СССР. Фактически тезисы выступлений профсоюзных лидеров и представителя аппарата ЦК Артюхиной подтверждали правоту доводов Рыкова и его сторонников о серьезных проблемах советского общества.

В очередной раз выявилось: если на региональном уровне руководители профсоюзов фактически слились с партийно-хозяйственной верхушкой [13], то на союзном уровне руководство ВЦСПС и Наркомата труда проявляли определенную самостоятельность [14].

Показательно, что через пять дней после окончания работы пленума в Наркомате труда появится новый руководитель, а вскоре кардинально поменяется и секретариат ВЦСПС.

Характер обсуждения второго вопроса, жесткие организационные меры, предпринятые вскоре Сталиным по отношению к участникам обсуждения, рациональность предлагаемых резолюций [9, с. 574–576] не позволяют согласиться с мнением о «декларативном характере» состоявшихся 21 ноября 1928 г. прений и принятых пленумом решений.

Третий вопрос, обсуждаемый на пленуме ЦК, должен был окончательно расставить точки над *i* в утверждении сталинской парадигмы «революционных изменений» в деревне.

Главными в докладе верного сторонника Генерального секретаря ЦК ВКП (б) – секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) А.А. Андреева должны были стать доказательства (на примере Северного Кавказа) безальтернативности ускоренной коллективизации [9, с. 337–367]. Система аргументов Андреева базировалась на том, что «измельчание» крестьянских хозяйств как результат аграрной революции привело к появлению огромной армии крестьян без пахотного инвентаря: если в среднем по РСФСР этот показатель составлял 35,6%, то на Северном Кавказе он достигал 56%. Безысходность положения этой армии бедняков, категорично заявил Андреев, могла быть преодолена только на путях коллективизации, поскольку существующая дробность хозяйств делает невозможным использование машинной техники. «Массив безлошадных (48% всех крестьян) и безынвентарных (41% всех крестьян) – в основном готовый массив для коллективизации», – утверждал партийный функционер. Доказательством такого положения, по его мнению, являлся и тот факт, что на Северном Кавказе были достигнуты наибольшие успехи коллективизации по сравнению с другими регионами СССР [9, с. 351]. Для начала кампании дальнейшей коллективизации Андреев допускал возможность использования «известного элемента принудительности и общественности <...> чтобы ее провести, эту самую принудительность, надо общественностью подкрепить, чтобы мобилизована была крестьянская общественность на проведение этих мероприятий» [9, с. 346]. Тем самым сторонники Сталина заявили о том, что считают возможным и необходимым применение принудительности по отношению к крестьянству в целом.

Доступность и открытость статистики в годы НЭПа, однако, сослужила плохую службу радикальному течению большевизма. Доклад Андреева воспроизводил поразительную картину, раскрывающую масштаб трагедии Гражданской войны. Андреев признался, что эмиграция 300 тыс. казаков, умелых земледельцев, крайне негативно сказалась на состоянии сельского хозяйства Северного Кавказа. Валовой сбор зерна во «всероссийской житнице» в 1928 г. составил только 54% от довоенного уровня. В то же время наделение земель, принадлежавшей до революции 1917 г. казачьим общинам, иногородних при отсутствии тяглого скота и инвентаря фактически законсервировало бедность этой категории жителей кубанского села. При этом

Андреева не смущало, что, несмотря на значительные капиталовложения в закупку сельскохозяйственной техники и рост агрономического обслуживания, удельный вес крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы и машинные товарищества, был поразительно мал – всего 7%. Принципиально иными были показатели численности крестьян Северного Кавказа, вступивших в простейшие виды кооперации (44%), что показывало реальный вектор устремлений жителей деревни [9, с. 338–339].

Обсуждение доклада Андреева пошло совсем не по тому пути, который был намечен изначально. Г.И. Петровский, не без сарказма отметив глубину падения сельскохозяйственной продукции («какая глубокая разница, как богат Северный Кавказ и как он опустился до современного состояния») в крае с «наибольшими успехами коллективизации», сделал вывод о необходимости опоры на главного производителя – индивидуальные хозяйства [9, с. 369].

Содоклад Я.А. Яковлева, заместителя наркома РКИ, оказался двойственным. По его словам, положительный эффект от комплекса мер по повышению урожайности на Кубани, от расширения выпуска промышленных товаров (прежде всего, машин и пахотного инвентаря) для нужд многоукладной деревни мог обеспечить прирост продукции на 31%, позволяя решить многие народнохозяйственные задачи [9, с. 373–389]. В то же время Яковлев заявил, что хлеб кулачества «дурно пахнет», а сохранение кулаков может привести в конечном итоге к «потере власти» Советами. По приведенным им данным, почти четверть крестьянских хозяйств Северного Кавказа могли быть отнесены к категории «кулацких» [9, с. 373–375]. И это после эмиграции целого социального слоя дореволюционных зажиточных крестьян.

Однако дальнейшее обсуждение вопроса прочно перешло к разряду чисто производственных проблем. Участники пленума (В.Я. Чубарь, М.И. Калинин, К.Я. Бауман и др.) допускали возможность договорных отношений с кулаками («глупо <...> отказываться принципиально от получения кулацкого хлеба»), указывали на возможность коллективизации только по мере механизации села, акцентируя слабое внимание Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) к проблемам сельского хозяйства [9, с. 412–415, 421].

Примечательной можно считать реплику Чубаря: не лозунгами, а «на практике власти должны доказать выгодность (для массы индивидуальных крестьянских хозяйств) колхозов и совхозов» [9, с. 421]. Резолюция пленума называла работу крайкома удовлетворительной, но содержала и немало критических замечаний. Намеченные ею мероприятия сохраняли курс НЭПа. Называя вещи своими именами, обсуждение третьего вопроса стало провалом сталинского замысла.

Все события девяти дней работы пленума были подчинены внутрипартийной борьбе. Очевидная затянутость выступлений В.М. Молотова, В.П. Милютина, недавно избранного секретаря МК ВКП (б) В.П. Полонского

была только прикрытием для нанесения ударов по Рыкову, Угланову, Фрумкину и другим «правым». Это был явный сигнал к присутствующим о том, какой тональности выступлений следует держаться.

Но 23–24 ноября 1928 г., т.е. в последние два дня работы пленума, сталинский призыв еще не носил императивного характера для членов и кандидатов в члены ЦК. Большинство выступающих говорили по существу проблемы, размышляя над невысокой политической активностью рабочих масс. Под сомнение были поставлены тезисы и об «обострении классово-борьбы по мере социалистического строительства» [9, с. 497–498] и о повсеместном распространении «правого уклона» [9, с. 496].

Резюмируя, стоит заметить: анализ выступлений участников Ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) 1928 г. позволяет сделать вывод об очередном проявлении феномена двойственности большевизма: курс на продолжение эволюционного развития многоукладной экономики в рамках авторитарного государства, отстаиваемый Рыковым и его сторонниками, столкнулся со сталинской линией утверждения жесткой централизации управления и тотальной национализации как организационной и экономической основы тоталитаризма.

В труднейшей ситуации Ноябрьского пленума, когда разделяющие взгляды Рыкова члены Политбюро Бухарин и Томский уклонились от дискуссии, председатель правительства СССР проявил стойкость и мужество. Победив на Апрельском и Июльском пленумах ЦК, сторонники продолжения нэповской политики *не проиграли* и «третье» сражение в ноябре. Спустя два месяца, в январе 1929 г., и недогнанный на Ноябрьском пленуме Рыков, и пережившие на нем психологический шок Бухарин и Томский отбили попытку контрнаступления Сталина и сталинистов [2, с. 286–290].

В условиях нарастающей пропагандистской кампании по обличению «правого уклона» и реализуемых накануне пленума жестких организационных мер по удалению коммунистов, близких к «правым», из партийных учреждений [4, с. 10], часть большевистской верхушки продемонстрировала способность к получению и переработке информации с позиции рационализма и научности.

Само восприятие советского индустриального проекта участниками пленума было различно. Однако имеющиеся к ноябрю 1928 г. варианты пятилетнего плана [15] конструировали ту информационную среду, в которой противоречия между догмой и социальной практикой могли еще решаться в формате открытой дискуссии, и «сила давления» сверху могла быть уравновешена «силой аргументов».

В течение нескольких последующих месяцев победит «сила давления». Но «сила аргументов» не иссякает совсем – она перейдет в иное качество. В данном случае сила аргументов воплотилась в документы V съезда Президиумов Госпланов СССР (апрель 1929 г.), которые содержали план создания

постоянно меняющейся экономической многоукладной системы, включавшей как личную инициативу в определенных хозяйственных формах, так и регулирование «сверху» нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности [16].

Сравнение итоговых показателей первой пятилетки и индикаторов проекта Госплана свидетельствует о реалистичности прогнозов ученых. Лишь некоторые достигнутые результаты советской экономики в 1932 г. оказались близки к построениям, изложенным в документах Госплана [17].

Библиография

1. Бухарин: человек, ученый, политик. М.: Политиздат, 1990. 414 с.
2. Великанова О.В. Разочарованные мечтатели. Советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.
3. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
4. Данилов В.П., Ватлин А.Ю., Хлевнюк О.В. Введение // Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. М.: МФ Демократия, 2000. Т. 3: Пленум ЦК ВКП (б) 16–24 ноября 1928 г. С. 4–23.
5. Звездин З.К. От плана ГОЭРЛО к плану первой пятилетки. М.: Наука, 1979. 269 с.
6. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. Т. 2: Пленум ЦК ВКП (б) 4–12 июля 1928 г. М.: МФ Демократия, 2000. 719 с.
7. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. М.: МФ Демократия, 2000. Т. 3: Пленум ЦК ВКП (б) 16–24 ноября 1928 г. 663 с.
8. Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М.: Республика, 1992. 478 с.
9. Панцев А.В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 558 с.
10. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/1927–1930/31 гг.: Мат. Центральной комиссии по пятилетнему плану. М.: Госплан СССР, 1927. 455 с.
11. Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие: Пятилетний перспективный план на V съезде Госпланов. М.: Плановое хозяйство, 1929. 650 с.
12. Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства // Россия в XX веке. Историки мира спорят: [Сб. ст.]. М.: Наука, 1994. С. 319–328.
13. Скоробогачкий В.В. Институциональные ловушки в политике // Вопросы политологии и социологии. 2011. № 1. С. 65–72.
14. Фельдман М.А. «Рабочий журнал»: такая короткая жизнь (судьба профсоюзного журнала в контексте отношений власти и рабочего социума Урала в 1922–1924 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Вып. 18. С. 330–339.
15. Фельдман М.А. Власть и труд: теоретические споры в верхнем эшелоне большевиков по рабочему вопросу (осень 1927 г.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 10. С. 136–144.
16. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, 2015. 461 с.
17. Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Дело, 2012. 344 с.

References

- Buharin: chelovek, uchenyj, politik. Moscow: Politizdat, 1990. 414 p.
- Velikanova O.V. Razocharovannye mechtateli. Sovetskoe obshhestvo 1920-h gg. Moscow: ROSSPJeN, 2017. 295 p.
- Vert N. Istorija Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991. Moscow: Progress; Progress-Akademija, 1992. 480 p.
- Danilov V.P., Vatlin A.Ju., Hlevnjuk O.V. Vvedenie // Kak lomali NJeP. Stenogrammy plenumov CK VKP (b) 1928–1929 gg. Moscow: MF Demokratija, 2000. Vol. 3: Plenum CK VKP (b) 16–24 nojabrja 1928 g. P. 4–23.
- Zvezdin Z.K. Ot plana GOJeRLO k planu pervoj pjatiletki. Moscow: Nauka, 1979. 269 p.
- Kak lomali NJeP. Stenogrammy plenumov CK VKP (b) 1928–1929 gg. Vol. 2: Plenum CK VKP (b) 4–12 ijulja 1928 g. Moscow: MF Demokratija, 2000. 719 p.
- Kak lomali NJeP. Stenogrammy plenumov CK VKP (b) 1928–1929 gg. Moscow: MF Demokratija, 2000. Vol. 3: Plenum CK VKP (b) 16–24 nojabrja 1928 g. 663 p.
- Kun M. Buharin: ego družja i vragi. Moscow: Respublika, 1992. 478 p.
- Pancev A.V. Djen Sjaopin. Moscow: Molodaja gvardija, 2013. 558 p.
- Perspektivy razvertyvanija narodnogo hozjajstva SSSR na 1926/1927–1930/31 gg.: Mat. Central'noj komissii po pjatiletnemu planu. Moscow: Gosplan SSSR, 1927. 455 p.
- Problemy rekonstrukcii narodnogo hozjajstva SSSR na pjatiletie: Pjatiletnij perspektivnyj plan na V s'ezde gosplanov. Moscow: Planovoe hozjajstvo, 1929. 650 p.
- Rogachevskaja L.S. Alternativy pervomu pjatiletnemu planu razvitija narodnogo hozjajstva // Rossija v XX veke. Istoriki mira sporjat: [Sb. st.]. Moscow: Nauka, 1994. P. 319–328.
- Skorobogackij V.V. Institucional'nye lovushki v politike // Voprosy politologii i sociologii. 2011. N 1. P. 65–72.
- Fel'dman M.A. «Rabochij zhurnal»: takaja korotkaja zhizn' (sud'ba profsojuznogo zhurnala v kontekste otnoshenij vlasti i rabocheho sociuma Urala v 1922–1924 gg.) // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': Sb. nauch. tr. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. Is. 18. P. 330–339.
- Fel'dman M.A. Vlast' i trud: teoreticheskie spory v verhnem jeshelone bol'shevikov po rabochemu voprosu (osen' 1927 g.) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2005. N 10. P. 136–144.
- Hlevnjuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdja. M.: AST, 2015. 461 p.
- Jasnyj N. Sovetskie jekonomisty 1920-h godov. Dolg pamjati. M.: Delo, 2012. 344 p.